

Ксения Драгунская

Дождись дождя

Городская история в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Старина

Дылда

Сирота

Саша (девушка)

Женщина в ужасном платье

Дядька, похожий на Барбру Страйзэнд

Тетка, похожая на чау-чау

Прочие жители дома номер 23 по улице академика Добуйкова, исследователя морских глубин

Действие происходит в многоэтажном густонаселенном доме на окраине Москвы. Время действия — июнь. Между началом и концом пьесы проходят сутки.

В городе уже второй день сильнейший теплый ветер, все летает, хлопают двери и окна, то и дело что-то где-то со звоном разбивается, а МЧС предупреждает об урагане.

СЦЕНА 1

Лестничная площадка многоэтажного нового дома на окраине Москвы. Пахнет хорошим кофе. Из лифта выходит человек. У него безупречная осанка, стройная фигура, легкая поступь, седые волосы и потрепанная физиономия.

Как к нему обращаться — дедушка, муштина или молодой человек? Непонятно. Дальше его будут называть Стариной. Старина — хорошее слово. На Старине черная майка и старые клешенные джинсы. Холщовая сумка на плече, там что-то мягкое и легкое.

Старина идет к металлической двери, отделяющей лестничную площадку от «предбанника», где двери в квартиры. Задумывается, словно что-то пытается вычислить, высчитать, сообразить. Нерешительно тянет руку к звонку в одну из квартир. Он не успевает позвонить.

Железная дверь открывается изнутри.

Грузчики выносят большой холодильник. Следом другие грузчики выносят фисгармонию. Следом бригада грустных медиков в зеленой униформе выносят пустые

Ксения Драгунская родилась и выросла в Москве. Драматург и прозаик. Автор нескольких книг прозы и множества пьес, переведенных на множество языков и поставленных во множестве театров России, ближнего и дальнего зарубежья.

носилки. Выходит семейство хасидов — папа в шляпе, мама в парике, много трогательных нарядных детей: девочки в длинных платьицах, мальчики в ермолках. Выбегают толпой мелкие дворняжки. Выходят молодые таджики и таджички.

Вся эта карнавальная команда задвигается в оба лифта, уезжает.

Тишина.

Старина заходит в обычный тамбур, с велосипедами, самокатами, санками, каким-то старьем и лабудой.

Дверь в одну из квартир открыта. Старина заглядывает туда. В абсолютно пустой квартире сидит в инвалидном кресле укрытая пледом старушка, у нее на коленях клетка с птичкой. Надувается ветром, как парус, занавеска. Старушка смотрит на человека ласково и бессмысленно, прозрачными глазами.

Старина поправляет плед, которым она укутана, и уходит.

Он снова стоит на лестничной площадке и задумывается — пытается что-то сообразить, высчитать. Поднимается на пролет выше. Тут мусоропровод и маленькое окошко. Человек смотрит в окошко. Далеко видно — небо, в небе летят, торопятся белые облака, кругом новостройки, город ширится, растет не по дням, а по часам, подминает пригород, окрестные деревни и сады.

Пахнет кофе. Старина поднимается еще выше, на следующий этаж. Открываются двери лифта.

Выходит женщина с большой кофейной джезвой. На женщине ужасное платье. Аляповатые красные цветы на бирюзовом фоне. И сидит черт те как. Наверное, когда-то оно ей шло. У женщины хорошее большеглазое лицо. А платье ужасное.

Старина и женщина смотрят друг на друга.

ЖЕНЩИНА. Хотите кофе?

СТАРИНА. На каком этаже вы живете?

ЖЕНЩИНА. На пятом.

У нее приятный низковатый голос, не пискливый.

СТАРИНА. На пятом...

Он снова пытается что-то сообразить. Качает головой.

ЖЕНЩИНА. Хоть на улицу иди, с джезвой этой. Муж болел, простужался часто. Велели гланды удалить. Удалил гланды, как маленький... Товарищи на работе смеялись. А ему еще хуже... Служил в Капустином Яру, облучился. Он никогда не говорил, что служил в Капустином Яру. Умер вот... А я привыкла ему каждое утро кофе варить. Кому мне теперь кофе варить? Хоть на улицу иди...

СТАРИНА. Не ходите на улицу. Там ветер. Скоро ураган. Да и вообще... Вдруг не так поймут? В самом крайнем случае, ходите по подъездам. И в конце концов кто-то обрадуется вашему кофе. Вот увидите!

Он говорит очень доброжелательно и терпеливо. Есть в нем кротость какая-то.

ЖЕНЩИНА. А вы из этого подъезда?

СТАРИНА. Нет, я из восьмого.

ЖЕНЩИНА. Из восьмого... Какой большой дом...

Она уходит по лестнице вниз, а Старина, напротив, поднимается пешком еще выше. Из угловой квартиры выходит человек мусор выкинуть.

Это Дылда — мужчина за сорок, рослый, красивый, с прекрасной улыбкой и весь такой из себя удалой.

СТАРИНА. Извините, пожалуйста. В городе ветер. Ко мне на балкон прилетело женское платье. Очень красивое, ручной работы. Я дал объявление в газете нашего

микрорайона и на подъездах развесил тоже, но никто пока не отозвался. Тогда, прикинув направление ветра и возможную траекторию полета, я подумал, что оно могло улететь с балкона квартиры на последних этажах вашего стояка.

Хозяина квартиры смешит слово «стояк». Он весело ржет. У него красивый хрипловатый голос.

ДЫЛДА. Извини, старина. Это не ко мне. Баб в хозяйстве не держу! Да ты, я вижу, какой-то прямо «активный гражданин». Другой бы это платье в секунду оттаранил или так, на тряпки бы пустил... Проходи, давай по маленькой...

Дылда гостеприимно распахивает дверь.

СТАРИНА. Рановато. Да я и не пью вовсе.

Видно, что на кухне накрыт стол на двоих. Летний, ясный, белый день, а закуска явно водочная — малосольные огурцы, селедка с зеленым луком, черняжечка, вяленая колбаса, винегрет, свежие овощи. Кастрюля, наверняка с молодой картошкой, заботливо укутана полотенцем, чтобы не остывала быстро.

ДЫЛДА. Ко мне сейчас приедет друг. С Дальнего Востока. Чтобы выпить.

СТАРИНА. Как хорошо.

ДЫЛДА. У меня есть и всегда будет единственный настоящий друг. Иногда мы встречаемся, надираемся, признаемся друг другу в ужасных вещах, орем песни, ругаемся, плачем, а потом засыпаем одетыми в обнимку.

СТАРИНА. О таком можно только мечтать.

ДЫЛДА. И мы никогда не называем друг друга по именам. Она зовет меня Дылдой, потому что я, видишь, каланча какая, а я ее — Сиротой, она рано осталась без отца. Впрочем, и я уже простился с родителями, и она тоже дама немелкая, так что бывает и наоборот, я зову ее Дылдой, а она меня Сиротой, и мне кажется, что я это она, а она эта я... Мы уже не знаем, кто из нас кто. Такая диалектика. Женщина. Друг человека.

СТАРИНА. Все в порядке?

ДЫЛДА. Насчет?

СТАРИНА. Мне кажется, у вас делирий.

ДЫЛДА. Брось, старина. Пара утренних рюмочек для разминки.

Лифт открывается, появляется рослая женщина лет за сорок, в джинсах и льняной рубаше. Никаких примет, что она только что прибыла с Дальнего Востока — ни чемодана, ни прочей поклажи, только кожаный рюкзачок, в котором бодро позвякивает и побулькивает.

Это, несомненно, Сирота.

Сирота с плачем бросается на шею к Дылде. Дылда обнимает ее и, как по команде, словно кнопку нажали, тоже начинает рыдать.

Старина хочет уйти.

СИРОТА. Не пугайтесь, это мы от счастья. Нервы шалят.

Оба вытирают слезы.

ДЫЛДА. Познакомься, славный малый из соседнего подъезда, нашел платье и ходит ищет хозяйку, вместо того чтобы на помойку выкинуть.

СТАРИНА. Оно такое красивое, нельзя его на помойку.

СИРОТА. Ну что, парни, моем ручки, и за стол?

СТАРИНА. Я пойду.

СИРОТА. Что вы, оставайтесь, выпьем, закусим, потом Дылда покажет нам, в чем его хоронить. Ты, кстати, был на распродаже в «Палермо»? Ну, я тебе писала еще, что надо брать, такой костюмчик... Или ты хочешь позориться, лежать в гробу в штанах из Эйч энд Эм?

СТАРИНА. Я, пожалуй, пойду.

ДЫЛДА. Оставайся, старина. Мы будем вести себя прилично. Обещан ураган. Переждем его вместе. Вырубят свет, будет выть ветер, гроыхать гром, шуметь дождина, а мы будем сидеть при свечах и говорить вечную сокровенную ерунду.

Говорит Дылда своим красивым голосом с хрипотцой.

СИРОТА. Напугали мы вас? Мы всегда плачем, когда встречаемся. И когда прощаемся. Потому что не знаешь, встретишься ли снова... Такая жизнь, расстояния эти...

СТАРИНА. У вас там, наверное, красиво?

СИРОТА. В Гольяново?

Старина смотрит на Дылду.

ДЫЛДА. Я всем говорю, что ты едешь ко мне с Дальнего Востока. Потому что из моего Бутова твое Гольяново — это форменный Дальний Восток!

СИРОТА (*Старине*). Чудесный, правда?

СТАРИНА. Я пойду.

ДЫЛДА. Заходите, старина, коли будет охота. Но не позднее, чем часа через два-три. Мы будем добрые, готовые всех любить. Дальше мы надеремся так, что станем опасны для окружающих.

Старина уходит. Дылда и Сирота остаются одни и улыбаются друг другу.

СИРОТА. Ну что, долбоеб?

ДЫЛДА. Ну что, клизма?

Перебивка первая:

Из подъезда выходит тетка, похожая на чау-чау. Несет огромного бегемота, мягкую игрушку аляповатых, канареечных расцветок, подранную каким-то котом или псом. Приносит на помойку. Сажает около ящика. Уходит. Дырлявый Бегемот сидит враспотырку и грустно смотрит большими глазами.

СЦЕНА 2

Вторая половина дня. Солнце и ветер.

Из лифта выходит бритая налысо девушка. Это Саша. Нажимает на кнопку звонка железной двери в предбанник. Чуть погодя дверь открывается, появляется Старина.

САША. Здравствуйте. Я по объявлению насчет платья. Это мое платье. Могу доказать. (*Она закрывает глаза и описывает платье.*) Тонкий лен цвета топленого молока, фасон «крестьянка», по вырезу ручная вышивка — васильки и ромашки, по подолу тоже, размер М, лейбл и инструкция по уходу отсутствуют, так как это платье сшито мною в мае этого года собственноручно.

Открывает глаза.

СТАРИНА. Сейчас принесу. Впрочем, проходите ко мне, что тут стоять...

САША. С какого перепугу? Может, вы маньяк какой?

СТАРИНА. Я не маньяк.

Старина уходит в квартиру, Саша идет за ним. У Старины нет прихожей, сразу пустоватая, просторная комната с балконом и маленькая кухня справа. В комнате музыкальный центр. На стене большая фотография молодого человека, смуглого, с черными кудрявыми волосами. Он насмешливо, весело смотрит. Саша смотрит на портрет. Старина отдает Саше платье.

СТАРИНА. Я рад, что вы нашли. Платье такое красивое.

САША. Угу. Подержите вот так, пожалуйста. Тяните на себя.

Старина держит платье за подол, а Саша за верхнюю часть. Саша вынимает из сумки большие ножницы. Она собирается разрезать платье.

СТАРИНА (*в ужасе*). Что вы делаете! Не смейте! Отдайте!

Короткая борьба, слышатся слова «хулиганка», «ебанат, придурок».

Платье остается у Старины. Он прижимает его к себе, обнимает, как живое. Саша садится на диванчик и горько, горько плачет.

Мечется во дворе ветер.

СТАРИНА. Вы плачете, плачете... Это хорошо... Это полезно... Если бы я мог плакать... Если бы я только мог...

САША. Извините. Я ругалась тут, обзывалась...

СТАРИНА. И вы простите, я обзывался тоже.

САША. Чуть вас не перешибла...

СТАРИНА. Меня так просто не перешибешь, я жилистый. Вы плачете дальше, если хотите, плакать хорошо...

Саша смотрит на портрет молодого человека.

Через комнату проходит зеленая кошка. Садится. Вытягивает ногу пистолетом, вылизывается.

САША. Это что за глюк?

СТАРИНА. Это Шлюпка. На помойке нашел. У нее слабоумие. Она свое имя полгода запоминала.

САША. А почему зеленая?

СТАРИНА. Кто-то пошутил, покрасил. Выкрасил и выбросил. Пытался отмыть — не отмывается.

САША. Гады люди... (*Смотрит на портрет молодого человека.*)

СТАРИНА. Однажды мы со Шлюпкой ездили гостить за город, на травку, она два часа сидела в переноске. Так вот с тех пор она считает, что если два часа мирно просидеть в переноске, то окажешься на природе. Залезает в переноску, сидит два часа ровно, вылезает и удивляется — где травка, где лягушата и мотыльки?

САША. Бедная...

СТАРИНА. Вам легче? Не грустите, пожалуйста. А хотите, станцюю для вас? Самба, румба, фокстрот? Гопак, ламбада? Присядка, полонез, лезгинка, танцы народов Севера? Африканские танцы? Или вас научу? Хотите?

САША. А вы все это вот прямо умеете?

СТАРИНА. Танцы всех времен и народов — моя профессия.

САША. Круто!

Она опять смотрит на портрет юноши.

САША. А у него правда такие глаза? Прямо... сиреневые? или фотошоп?

СТАРИНА. Правда. Такие вот глаза.

САША (*с восторгом*). Сын?

СТАРИНА. Друг. Товариш и брат.

САША. Понятно.

СТАРИНА. Вот как? Рад за вас. А мне до сих пор ничего не понятно.

САША. Он тоже здесь живет?

СТАРИНА. Да нет его больше. Собрал рюкзачок и уехал на мотоцикле.

САША (*поражена*). На мо-то-цик-ле? Самоха тоже от меня на мотоцикле уехал... Сказал, думай, что я умер. А он же не умер. Он где-то там. Целуется с кем-то. Или ищет, с кем целоваться... Зачем вы его нашли?

СТАРИНА. Кого?

САША. Да платье... Выбросили бы на помойку. Улетело и ладно. Мне даже легче стало. Может, я нарочно его в такой ветрило без прищепок вывесила... А тут вы со своей объявой — оно где-то тут, рядом, в соседнем подъезде, целое и невредимое, как будто дразнится...

Она вот-вот опять заплачет.

СТАРИНА. Хотите чаю? У меня хороший, китайский...

Перебивка вторая:

Дядька, чем-то похожий на Барбару Стрейзанд, выносит из подъезда облезлую, пожелтевшую новогоднюю елку. На дворе июнь. Ну, выбрал время человек, раньше не до того было. Занятой. Тельняшка типа «алкоголичка», пластиковые шлепанцы.

Дядька выкидывает елку и замечает бегемота. Наклоняется. Рассматривает. Берет в охапку и уносит.

СЦЕНА 3

Вторая половина дня. Квартира Дылды. Квартира у него большая, с холлом и просторной кухней. На кухне сидят Дылда и Сирота. Оба порядком набрались.

ДЫЛДА (*чуть не плачет*). Они меня мыли! Привезли на каталке в помывочную и мыли! Две бабы какие-то чужие, типа санитарки... Как пупса пластмассового... Намыливали и мыли, трогали руками везде, а сами говорили про детей, про школу, про деньги на шторы... Ад какой-то...

СИРОТА. Ты что, не мог этих позвать? Хусаинова с Немухиным? Друганов своих?

ДЫЛДА (*взвизгивает*). Обалдела?! Они что, меня мыть будут?!

СИРОТА. На тебя не угодишь. Чужие бабы моют — плохо, друзья-мужики — опять не то...

ДЫЛДА. Намыливали и мыли... Ужас... Я так перестрадал...

СИРОТА. Потому что ты дебил. Урод вообще. Ты пидарас.

ДЫЛДА. Э, на барже! Полегче!

СИРОТА. Только пидарас может спокойно лазить на леса под купол храма, а потом пойти за бутылкой, поскользнуться, одну руку сломать, а другую расхреначить об осколки. Пить надо меньше.

ДЫЛДА. О, кто б говорил!

СИРОТА. Да тебя не то выбесило, что чужие бабы моют, а то, что они на тебя внимания не обращают. Не говорят, дескать, ах, какой вы красивый, пьянство вам очень к лицу, позвольте поцеловать ваш варикоз.

ДЫЛДА. Сука бессердечная. Москвичка.

СИРОТА. Заткнись, понаехавший.

ДЫЛДА. Мне просто интересно, где ты была в прошлом ноябре, когда я без обеих рук оказался? Подруга называется...

СИРОТА. В НЙ.

ДЫЛДА. Что ты туда зачастила-то? Что там высидиваешь? Небось, хахаль? Нигер какой-нибудь рыжий?

СИРОТА. Ты пьяный, что ли? Нигеров рыжих не бывает.

ДЫЛДА. Значит, точно. Хахаль. Нигер.

Чокнулись, выпили, закусили, помолчали.

СИРОТА. Вот для этого предусмотрительные люди заблаговременно женятся. Чтобы их потом мыли родные руки. Если несчастный случай или инсульт. Потому что с годами жены становятся как сестры. Как медсестры.

ДЫЛДА. Я был женат два раза.

СИРОТА. Знаем, слышали! Гражина — Жеральдина. Литва — Франция, результат ноль-ноль.

ДЫЛДА. Сволочь ты.

Опять помолчали. Ни с того ни с сего Сирота выкрикивает куплеты.

СИРОТА. Подружка моя, у нас миленький один, ты ревнуешь, я ревную, давай его продадим! — Подружка моя, как мы будем продавать? Неужели нам не стыдно на базаре с ним стоять? — Подружка моя, продадим за дешево, своих денежек добавим и купим хорошего!

ДЫЛДА. Великий народ... Народ-поэт, народ-песенник... Давай поженимся.

СИРОТА. Началось... Белая горячка. Бредовые речевые интерпретации.

ДЫЛДА. Мы оба грешники такие, что пора уже самим себя наказать. Поженимся, окончательно испоганим друг другу жизнь. Ведь мы этого достойны.

СИРОТА. Я не подойду. Тебе нужна жена терпеливая, как печень.

ДЫЛДА. У тебя сын есть. А эта тварь Жеральдина обещала родить, пять лет мурыжила, а у самой спираль — аж звенит... Господи, чего бы я только ни отдал, чтобы была нормальная семья, дети...

СИРОТА. Ничего бы ты не отдал. Пиздеж. Привык быть один, как сыч. Семья, дети... Да ты прифигеешь от них через полчаса и сольешься. «Чего бы я только ни отдал...» А хоть бы и отдал — не возьмут. Двух жен ухайдокал своими гулянками, изменами, девушек наивных по абортам гонял... А теперь ребеночка ему захотелось... Ути-пути... Копи деньги на сиделку в старости.

В Москве, кстати, мужских сиделок навалом. Тут тебя за деньги кто хочешь выкупает — хоть генерал космических войск, хоть народный артист.

ДЫЛДА (*смотрит на Сироту*). А в морду хошь?

СИРОТА. Давай! (*Подставляет ему лицо.*)

ДЫЛДА. Дура...

Перебивка третья:

Старушку с птичкой в клетке на кресле-каталке осторожно вывозит из квартиры высоченный рыжий негр...

СЦЕНА 4

Вторая половина дня, ближе к вечеру. Квартира Старины. Старина и Саша пьют чай.

САША. Парни, они ведь какие? Они хотят сразу тыры-пыры, отношения, я парень, ты девушка, а я не такая. Я хочу дружить. Сначала дружить, а потом отношения. И они начинают показывать свои ужасные стороны, не знаю как сказать. Пакости делать, обзывать... А Самоха... Он со мной дружил... Хотел сперва со своими родителями меня познакомить. Потом чтобы я его со своими познакомила... Потом чтобы родители между собой... Чтобы все было как раньше, когда время было медленное и люди не спешили... Я это платье сшила и вышила, чтобы к его родителям ехать... И вдруг он говорит — я типа изменил решение, считай, что я умер...

Пауза. Ветер.

САША. Домой я не вернусь, никогда. Знаете, почему молодежь из маленьких городов уезжает? Да не потому, что зарплата восемь тыщ и работы нет... А потому что там все про тебя все знают, из-под каждого куста то крестный вылезит, то тетя двоюродная... Домой я не вернусь. Никогда...

Пауза.

СТАРИНА. Сколько вам лет?

САША. Девятнадцать.

СТАРИНА. Мне тоже... Мне тоже было когда-то девятнадцать. И у меня ничего не получалось. Я не смог выстрелить в человека, и меня посадили в тюрьму.

САША. Да ладно?

СТАРИНА. Понимаете, я жил в маленьком городе на юге России... *(Он тихо смеется. У него странная привычка — смеясь, закрывать лицо ладонью.)*

СТАРИНА. И с детства больше всего на свете любил танцевать. Прилипал к телеку, когда показывали Большой балет или ансамбль Моисеева... Танцевал в самодеятельных коллективах. А папа мой был начальником МВД, и для него мужик без погон — это вообще не мужик. Он устроил меня в армию во внутренние войска, эсков охранять. Далеко, в том краю озер больше чем суши, и земля другая... Камней много. Валунов. Стою на вышке, с автоматом... Там воришка один драпанул, по дому соскучился и драпанул, дурень, а я не смог его из автомата подрезать. Не получилось как-то. Вот бежит человек... Не смог. И меня отдали под трибунал. Летом везли в военный суд, в машине типа «буханка». Жарко. Конвой остановился на озере, купаться. А я в наручниках сижу, и солдат один, такой маленький, как мальчик, казашонок или киргиз, меня сторожит... Мне пить охота. И этот казашонок, он мне в горстях воды из озера принес... У него такие детские руки, пальцы... Я не умею рассказывать... Я пил у него из горстей... Потом старлей подошел, отвесил ему подзатыльник хороший, а меня из алюминиевой кружки напоил...

Саша слушает.

СТАРИНА. Ну я всего-то четыре месяца просидел. То ли мама с сестрой отца уломали, то ли он сам как-то... Перестал эксперименты на мне ставить... Не знаю. Теперь и спросить не у кого. Отпустили.

САША. Ну вы, блин, и нахлебались по жизни, если не врите.

И он опять смеется, прикрывая ладонью лицо.

САША. А что вы делали, когда от вас слился этот ваш? Друг, товарищ и брат?

СТАРИНА. Терпел. Горевал. Сидел у окошка, а в голове все детский стишок: «Друг уехал далеко, жить без друга нелегко». А то заходил в мессенджер, ждал, когда он появится, и просто смотрел на его имя с зеленой точкой. Смотрел на имя... Потом соседка, мадам Пишу, меня встретила во дворе, посмотрела и говорит: «Не нравишься ты мне, парень». И пошел я к доктору, и доктор отправил меня в какой-то кризисный стационар, типа дурдом, но получше.

САША. Мадам Пишу...

СТАРИНА. Так это не здесь было. На юге Франции. Такое место... Люди приезжают повеселиться... Я там работал.

САША. Кем?

СТАРИНА. Да танцевал... А у Ибрима овощная лавка и кафе на два столика,

рядом с домом, где я жил. После работы меня уже ждал свежий сок со льдом или пиво, оно мышцы хорошо расслабляет. Пили и разговаривали... Про наши страны, про наши детства... Я — про горн в пионерском лагере, про лес, про грибы, а Ибрим — про Марокко, про Магриб... Но я по-французски слабовато, и когда мы не могли объяснить друг другу что-то, мы рисовали... На салфетках в кафе... Если бы за нами была погоня, нас бы вычислили по этим салфеткам... (*Старина грустно и ласково улыбается.*) Еще мы писали друг другу домой открытки. Смеху ради. Я — в Марокко, а Ибрим — мне сюда. И они доходили. Я до сих пор в почтовый ящик заглядываю... А еще Ибрим учил меня написать мое имя по-арабски, а я его имя — по-русски. Странно, что я родился и вырос на юге России, Ибрима встретил на юге Франции, а теперь живу на юге Москвы... А грибы и Магриб — однокоренные слова?

Порыв ветра, хлопает балконная дверь, где-то что-то бьется со звоном. Старина задумывается и начинает грустить, но смотрит на Сашу и спрашивает.

СТАРИНА. А вы что делали?

САША. Напилась. Блевала-а-а... Налысо вот побрилась. Платье хотела казнить.

Опять порыв ветра. Оба загрустили, молчат. Старина решает повеселить, позабавить Сашу, рассказать смешное.

СТАРИНА. Однажды жена послала меня за картошкой. Я пошел на базар. А там у бабульки сдачи не было, и вместо денег она дала мне крыжовник и укроп. Прихожу домой. Жена, такая: где сдача? А я: вот, крыжовник и укроп. И тогда она сказала: не мужик, а чертова кукла.

Он ждет, что Саша засмеется, но нет.

САША. Ваша жена злая и нехорошая женщина. Разве можно пожилого человека так обзывать?

СТАРИНА. Так я тогда молодой был. Женился, чтобы мама не переживала. Их с сестрой затуркали совсем. В нашем поколении как было? Пришел с армии — женись, а то люди решат, у тебя дефект какой... Женился... Крыжовник и укроп. Грибы и Магриб... Чертова кукла. Да...

Помолчали.

СТАРИНА. Если бы у меня была такая дочь, как вы, все было бы по-другому. Или наоборот? Если бы все было по-другому, у меня была бы такая дочь?

САША. Да не переживайте! У вас еще будут дети. Вы не совсем старый все-таки.

СТАРИНА (*вдруг говорит насмешливо, почти зло*). О чем вы, девушка? Чертовым куклам детей не положено.

САША. Вы не чертова кукла! Вы красивый. Потому что добрый. Это сразу видно. Вы дверь открыли, и я подумала — вот хороший человек. Спокойный. Вежливый. Еще ни разу матом не сказали, а мы сколько тут сидим... Ой, мне же домой надо...

СТАРИНА. А вы где живете?

САША. В десятом подъезде, на двадцать первом этаже. Там однушка. Мы вчетвером. Одна мужиков по интернету клеит, другая маме по скайпу звонит, плачет, третья в секте какой-то, молится всю дорогу, четвертая — я. Ну работают все. Пашут. Кто на двух работах, кто на трех. Я вот охранницей в пятерочке, по выходным сейчас билеты на батут продаю около ТЦ и убираться еще хожу в два дома... Нет, так-то нормально... Только очередь в ванную надо с вечера занимать.

СТАРИНА. Слушайте, оставайтесь ночевать здесь. Хоть поспите как человек и в ванную пойдете без очереди. Белье и полотенца в стенном шкафу.

САША (*подозревает подвох*). А вы-то сами где прилечь планируете?

СТАРИНА. Я на работу пойду.

САША. Танцевать?

СТАРИНА. Нет. На другую. С 7 до 7. Оставайтесь. Ключи от квартиры положите в почтовый ящик.

САША. Прямо вот не боитесь, что я у вас что-нибудь украду?

СТАРИНА. Что у меня красть-то? Я сам у себя все украл. Только вы уж, пожалуйста... Не убивайте платье.

Он уходит.

Куда он пошел? Неизвестно. Может, танцует в каком-то закрытом клубе? Или служит ночным портье? Или просто бродит по ночному городу, терзаемому сильным теплым ветром? Ветер заплутал в городе, бился в окна, хотел вырваться. Ночь очень короткая, темноты мало, это июнь...

Саша остается одна. Долго смотрит на портрет Ибрима.

САША. Ну, марокан-таракан? Свел хорошего человека в дурку? Поднасрал? Попил русской кровушки? Счас узнаешь, как у нас в Красномайском на танцах дерутся. Скажи, Шлюпка?

Жмет на пульт от аудиоцентра. Звучит зажигательная музыка в стиле балканский турбо-фолк. Саша распаивает стенной шкаф и выкатывает пылесос. Зеленая кошка Шлюпка в панике сигает на шкаф.

Перебивка четвертая:

Ночь, а урагана все нет. Только ветер мечется, бьется в городе, хочет выйти, вырваться на простор, в поля, шуметь в лесах, тревожить воду озер и рек, но лесов и полей больше нет, только бесконечные города с огромными небоскребами, туго набитыми одиночеством, жаждой тепла и счастья...

По двору дома номер двадцать три летают какие-то клочки.

СЦЕНА 5

Ночь, квартира Дылды. Дылда и Сирота надрались конкретно.

ДЫЛДА. Потому что вы все злобные суки... Все бабы — суки злобные. И ты!

СИРОТА. Злобных сук ты не видел.

ДЫЛДА. Ага. Уж не меньше чем ты — тупых кобелей.

СИРОТА. Прикинь, не видела никаких тупых кобелей. Как-то повезло.

ДЫЛДА. Это заметно. Что тебе вообще сильно везло.

Сирота хочет драться или орать матом, но чудом берет себя в руки, говорит подозрительно ласково.

СИРОТА. Ну зачем ты так? Ведь мы родные люди. Всегда друг другу помогаем. Помнишь Юлю эту твою? У тебя тогда просто духу не хватило, тупо струсил с ней поговорить и послал меня. Я прикинулась твоей кузиной, все ей растолковала, что ее не любишь, жениться не собираешься, ребенок тебе не нужен, отвезла ее в абортарий, сидела с ней там целый день...

Дылде очень не по себе.

ДЫЛДА. Мне очень стыдно, знай. И я очень тебе признателен. Да. Конечно, мы родные люди. Ты же знаешь, что я готов на все ради тебя.

СИРОТА (просияла). Правда?

ДЫЛДА (слезы на глазах). Правда.

СИРОТА. Тогда расскажи, где Илья.

Дылда молчит.

СИРОТА. Это точно ты. Без твоего братского участия тут не обошлось.

ДЫЛДА. Мне не нравился этот молокосос.

СИРОТА. Не надо лезть, куда не просят.

ДЫЛДА. Мне не нравилось, где ты с ним познакомилась.

СИРОТА. Мы познакомились на трассе Москва—Рославль, когда он в качестве инспектора ГИБДД остановил меня за превышение скорости.

ДЫЛДА. Как романтично! «Глаза их встретились...» С ума бы не сойти!

СИРОТА. И да, я вспомнила, где его первый раз видела.

ДЫЛДА. У него темное прошлое.

СИРОТА. Нет у него никакого темного прошлого. Мальчишка, недоучка-актер из глуши. Очередной покоритель Москвы.

ДЫЛДА. Платный мужчина на теплоходах.

СИРОТА. На пригородных «ракетах», угу. Тишково—Михалево—Хвойный Бор—Зеленый мыс, ага. Много успеть можно. Илья работал боярином в палатах Романовых на Варварке.

ДЫЛДА. Что за бред?

СИРОТА. Там к детям на экскурсии выходят посменно боярин и боярыня. Для исторического антуража. Но его подсадили какие-то армяне блатные. И тогда он пошел в этот стриптиз-клуб.

ДЫЛДА. А ты что делала в стриптиз-клубе?

СИРОТА. Тебе-то что? У меня, может, абонемент. Поощрили за ударный труд.

ДЫЛДА. Не просто в стриптиз-клуб, а в клуб, где стриптиз с консумацией. Заслужила!

СИРОТА. Слушай, зануда хохляцкий! Я переводила международную конференцию хирологов.

ДЫЛДА. Прекрати, а?

СИРОТА. Хирологи — это хироманты. Так теперь называются. Хиромантия признана наукой, чтоб ты знал. И там было три нормальных тетки из Бангладеш. Хотели посмотреть что-то необычное. Театр Кошек, уголок Дурова, русский мужской стриптиз. И мы пошли в этот клуб. Ну там вообще смотреть не на что, калекки переходящие, бахрама от брюк. А у Илюхи был самый классный номер, совершенно не пошлый, такой смешной... «А в нашем классе есть мальчишка, глаза, как ясная заря...» И когда он уже служил гаишником, я его сразу узнала и рассмеялась. «Глаза, как ясная заря...» И он ужасно покраснел...

ДЫЛДА. А жезл не выронил?

СИРОТА. Куда ты его девал? Илюха был веселый и добрый. Потому что молодой. Не оброс еще коростой обид и грехов. Куда ты его дел? Что ты ему сказал? Что ты лезешь? Это моя жизнь... (*Старается не плакать, но начинает зло и отчаянно рыдать.*)

ДЫЛДА. Кровосос и соержанец. Да он бы тебя бомжихой в два счета сделал. Знаю я этих мальчиков из глуши. Решают свои жилищно-материальные проблемы и бегут дальше, а ты остаешься с одиночеством и бутылкой.

Начинается уродский, злобный цирк — двое кривляются, дразнятся, стараются вломить друг другу побольнее.

СИРОТА. Да ты чтооооо??? Охренеть! Кто б мог подумать! Утибозимой! Страдалец! У тебя были такие мальчики? Амбициозные молодые монахи, да? Ну валяй, колись...

ДЫЛДА. Не смешно, а? Я сам был таким, когда только в Москву приехал. Была женщина. Сильно постарше. Вдова советского поэта-песенника, который тоже был сильно старше ее. Четыре комнаты на Земляном Валу, денежки водятся. И я, из своей дали, голодный, желающий бабла и славы. «Познакомьтесь, это мой друг, талантливый художник...» Она хорошая была, наивная какая-то, животных на улице подбирала... Любила выпить и читать стихи... Два года у нее прожил. Потом просто сказал ей, что как бы все... Собрал монетки и свалил. А дней через десять она в пьяном виде вышла из дому и попала под машину. Мне до сих пор снится, как взлетает от удара тело женщины и падает на серый асфальт Садового. Теперь уже редко. Но снится.

Пауза.

СИРОТА (*вдруг трезво и спокойно*). Вот что ты гонишь? Ведь гонишь же. У нас с тобой традиция рассказывать друг другу гадости. Ведь это же твоя домашняя заготовка. Этого не было ничего.

Дылда молчит. Потом говорит очень устало.

ДЫЛДА. Могу тебе могилу показать на Введенском кладбище. Я зассал на похороны идти, а потом чуть крыша не съехала, подался в один глухой монастырек трудником, там быстро прочухали, что рисовать могу... И вот я перед вами — преуспевающий православный живописец...

Он очень недобро смеется, выпивает, не закусывая. Сирота думает о своем.

СИРОТА. Илюха приносил букеты... Например, березовые ветки с молодыми листочками, а к ним привязаны такие маленькие карамельки... Или сильно распутившиеся розы, и вот в каждой цветке лежал маленький бумажный кораблик, который назывался моим именем или его, или нашими вместе...

ДЫЛДА. Проходимцы умеют ухаживать.

СИРОТА. И когда я представляла себе, как он привязывал эти конфетки или делал кораблики, я начинала целовать его руки, а он смущался и целовал мои... Разве ты видел это? Ты был с нами, когда мы были вдвоем? Что ты лезешь? Куда ты его девал? Чем запугал? Куда спрятал? «В глухой монастырек»? Скормил почтенному архимандриту, тонкому ценителю молодой мужской красоты?

ДЫЛДА. Хуже.

СИРОТА. Ну?

ДЫЛДА. Мы немного поторговались, и я купил ему тачку. Годовалую «бэху».

Пауза. Сирота надевает Дылде на голову миску с салатом и лупит кулаками по этой миске, по плечам. Он не сопротивляется. Она перестает драться. Он снимает миску. Она тянется к бутылке, но Дылда перехватывает.

ДЫЛДА (*строго*). Иди спать.

Сирота выходит, Дылда один, выпивает рюмку, закуривает, смотрит в окно. У него несчастное старое лицо. Слышит возню в коридоре. Там Сирота собирается уходить.

ДЫЛДА. Ты никуда не пойдешь. Сейчас ночь. Ты пьяна.

СИРОТА. Вызови убер.

ДЫЛДА. Не надо никуда идти. Ложись спать.

СИРОТА. Отвали.

Дылда пожимает плечами, молча распахивает перед ней дверь. Секунду поколебавшись, она садится на скамеечку и закрывает лицо руками. Дылда опускается перед ней на корточки, гладит по голове...

Перебивка пятая:

Утро. На балконе тетка, похожая на чау-чау, разбирается с ведром, в котором засолены огурцы. На соседнем балконе дядька, похожий на Барбару Стрейзанд, заботливо и неловко зашивает дырявого бегемота. Смотрит на него с нежностью. Тетка поворачивается, видит дядьку с бегемотом и с изумленной жалостью, подперев щеку ладонью, смотрит на эту картину. Потом они смотрят друг на друга. Улыбаются.

СЦЕНА 6

Утро, квартира Дылды. На кровати вповалку спят босые, но одетые Дылда и Сирота. Вот они открывают глаза, смотрят друг на друга и со стоном отвращения и отчаяния отворачиваются.

ДЫЛДА. Мацони будешь?

СИРОТА (*сипло*). А сколько в нем жирности?

ДЫЛДА. Какая, нафик, разница, сколько жирности в мацони, если мы вчера бочку водки вылакали?

СИРОТА. Не надо, меня тошнит.

ДЫЛДА. Иди поблюй. Пошли блевать вместе.

Никто никуда не идет.

ДЫЛДА. Почему мы такие дебилы?

СИРОТА. Не надо обобщений.

ДЫЛДА. Нет, мы идиоты. Зачем мы себя губим? Сколько на свете больных людей, детей, а мы здоровые же, как кони, — руки ноги голова... Накажут нас за это, вот что...

СИРОТА. Спихмела все становятся очень богобоязненны.

ДЫЛДА. Циничная тварь.

СИРОТА. Пьянство — это психологическая разгрузка и лечение нервной системы.

ДЫЛДА. Пьянство — это замедленное самоубийство.

СИРОТА. Жизнь — тоже замедленное самоубийство.

Молчат. Дылда смотрит в окно.

ДЫЛДА. Мы что, весь ураган продрыхли?

СИРОТА. Да не было никакого урагана.

ДЫЛДА. Слышь...

СИРОТА. М-м-м-м...

ДЫЛДА. Давай обвенчаемся.

СИРОТА. Опять! Нас не обвенчают, пойми! У тебя, конечно, толпа прикормленных попов, готовых на все за умеренную плату, но друзей не венчают! Мы супружеские отношения не поддерживаем.

ДЫЛДА. Так давай поддерживать.

Сирота рывком садится на кровати.

СИРОТА. Я вообще-то заслужила, чтобы у меня был друг? Вот друг? В изначальном смысле этого слова? Не фейсбучное фуфло или тот, с кем уныло трахаться для поддержания гормонального фона и цвета лица? После всех своих

потерь, обломов и крахов я заслужила друга? С которым ничего не запятнано никакой постельной возней?

ДЫЛДА. Все, сняли тему.

Помолчали.

ДЫЛДА. Просто если не венчаться, то на том свете не встретишься. Маргарита Ивановна из пятисот шестой квартиры говорила, а она врать не будет, она доктор физико-математических наук. Что ж мне на том свете чаю будет не с кем попить?

СИРОТА. Да, уж тебя-то на том свете первым делом спросят — вам черный или зеленый? (*Пауза.*) Вот ты говоришь — дети... Ах, типа, если бы у меня были дети... А ты знаешь, какое это мученье? Их беды, сперва маленькие, потом побольше. Сердце надорвется от жалости. А потом время идет, и на твоих глазах они стареют, меркнут, не сбываются их мечты. Дети ответят за все. Наши пушистые детки с круглыми ушками и ресничками. А если вот так вот надерешься и сдохнешь во сне от остановки дыхания? И будешь потом смотреть с неба, как дети превращаются в одиноких, заброшенных стариков, с седой шерстью на шее...

Дылда молчит.

СИРОТА. Вот есть курсы подготовки к родительству, курсы молодых матерей, что угодно, трактористов и трубочистов, курсы для безработных. А почему нет курсов подготовки к старости? Считается, что человек сам постепенно, с годами, подготовится, справится, сдюжит... Ни фига. Особенно, если человек привык быть молодым и красивым. Вот ты. Ты еще долго будешь считать себя молодым и красивым. Не видеть со стороны. Не понимать, почему девушки не улыбаются в ответ. Красивому больше стареть. Мне хорошо, я некрасивая.

ДЫЛДА. Ты красивая.

СИРОТА. Я не для этого говорю. Я вообще не с тобой разговариваю.

ДЫЛДА. А я что, с тобой, что ли? (*Пауза.*) Ты красивая.

СИРОТА. Ты нарочно?

ДЫЛДА. Красивая.

СИРОТА. А в лоб?

ДЫЛДА. Красивая.

СИРОТА. Все, пока, я пошла.

ДЫЛДА. Ладно, уговорила, некрасивая. Рожа рожей. Но я люблю эту рожу. Мне ее не хватает, когда долго не видимся.

СИРОТА. Это как НЙ. Такую красоту поймет не каждый. Уродский ведь город.

А если ты его полюбишь с первого раза, то все, попался. В него все время хочется. Хотя там все то же самое — толчея, сирены, шум, усталые пассажиры в битком набитом метро. Небоскребы с людьми, жаждущими счастья, покоя, нежности... Рыжая, пахнущая сырой листвой осень... Окраины, полные нищеты и одиночества. Жажды выкарабкаться. И черные лестницы бедных окраин пропахли жареным луком, люди с ужасом ждут завтрашнего дня, всего боятся, не ходят в театр и не понимают шуток.

ДЫЛДА. Тебе сегодня никуда не надо? Переводить какой-нибудь там конгресс мастеров по плетению бисерных мышей?

СИРОТА. А тебе? Никакой архимандрит тебя не заждался, эскизы утверждать?

ДЫЛДА. Да нет, разве что архиепископ. Разноязыкие люди собирают чемоданы, садятся в самолеты, летят черт те куда, чтобы встретиться и поговорить по делу, обсудить, как сберечь леса и реки, одолеть страшные болезни, победить нищету... Сколько всего уже придумано. Ультразвуком убирают камни из почек. А с сердца? Где тот ультразвук, который удалит камни с сердца.

СИРОТА. Придумают.

ДЫЛДА. Если придумают, ты им сможешь понять друг друга? Ты им переведешь?

СИРОТА. Конечно!

ДЫЛДА. Настоятель намекает, что было бы здорово, если бы ангелы на огромной мозаике были похожи на детей спонсора, благотворителя и благоукрасителя, ему будет приятно, да и самого благоукрасителя с супругой не кисло было бы изобразить где-нибудь в уголке. Порадуем благоукрасителя, ему трудно живется, у него толстая золотая цепь на короткой шее, дочка похожа на поросенка, жена — на персидскую кошку (*выражение лица такое же*) и забитый сын грызет ногти... А чем благоукраситель в девяностые баловался, лучше и не думать... Страшно благоукрасителю, вот и жертвует... Авось поможет... (*Без паузы, вдруг.*) Давай в мой город съездим?

СИРОТА. Что там делать?

ДЫЛДА. Это большой красивый город с широкой рекой. Там вишни растут просто так, на улице. И абрикосы. Мы жили на окраине. Сначала это вообще была деревня. Потом город стал расти... Мы оказались в пригороде. Вокруг уже стояли девятиэтажки. Дед у меня был врач. И отец, и прадед. У нас династия. Сельская интеллигенция. Это только я выродок, типа, художник (*с невыразимым отвращением он произносит это слово*). И вот город стал расти, расширяться, дом наш под снос пошел...

СИРОТА. Ужас какой...

ДЫЛДА. Да! Был ведь еще и сад! Самое главное — сад! Такой лесосад. Они, предки в смысле, с северной стороны дома сажали лесные деревья, а с южной — плодовые. Они сажали деревья в честь родившихся детей. Родился сын или дочь — они дуб садили, или липу, или вишню там, или сосну...

Сирота слушает. Ей интересно.

ДЫЛДА. Так к нам уже и из новостроек лечиться ходили. «Дом доктора». Местная достопримечательность. Потом снесли, потому что новая застройка. Остался сад наш, типа стал общий, лавочки поставили, люди сидели. А потом начали строить ТРЦ «Радуга». И за остатки сада взялись. И тут, вот не поверишь, народ поднялся. Все жители встали. Стройте, говорят, что хотите, а сад доктора чтобы остался. И проект переделывали. И роща наша, там сад задичал уже, полулес, полусад такой, остался. Кругом ТРЦ, а рядом островок такой, рощица, и даже некоторые деревья живы. Которые в честь тети Ани сажали, в честь деда Коли... Поехали, покажу! Это у вокзала надо сесть на пятнадцатую маршрутку и сказать «Остановите на "Радуге"».

СИРОТА. Ты никогда мне об этом не рассказывал.

ДЫЛДА. Случая не было как-то...

СИРОТА. А у нас в Лефортово не было сада. Дворик маленький и домик. Снесли, ничего не осталось. Переселили в Гольяново. Мне нечего тебе показать, Серёжа.

ДЫЛДА. Что?

СИРОТА. Нечего показать, говорю. Ты еще и глухой?

ДЫЛДА. Я не глухой. Ты сейчас что-то сказала.

СИРОТА. Что ты глухой?

ДЫЛДА. Ты назвала меня как-то.

СИРОТА. Я тебя Серёжей назвала. А тебя по-другому зовут? Авплексидонт Евплексиазарвович?

ДЫЛДА. Нет. То есть, выходит, я больше не Дылда?

СИРОТА. Ты Дылда. Но ты Серёжа.

ДЫЛДА. А ты кто? Ты Катя, что ли?

СИРОТА. Выходит. Решено, едем твой сад фамильный смотреть. Обменяемся в знак серьезности намерений рукопожатием.

Сирота толкает Дылду локтем.

ДЫЛДА. Потихе ты, слониха, у меня после перелома до сих пор болит...
СИРОТА. Бедный. Тогда ногопожатием.

И они поднимают босые правые ноги, соединяют ступни...

ДЫЛДА. Что-то мы как маленькие...

СИРОТА. А мы что, больше, что ли? Когда нам взростеть-то? Других дел навалом. Повзростеть человек не успеваает — жизнь слишком короткая.

ДЫЛДА. Приедем на поезде. Сядем на «пятнашку». И скажем...

СИРОТА. «Остановите на "Радуге"»...

СЦЕНА 7

Старина приходит домой.

Он входит в подъезд, снимает с шеи ключ от почтового ящика на кожаном шнурочке. Отпирает ящик. Там нет ничего, кроме ключей от квартиры.

Старина открывает дверь в свою квартиру и, оторопев, стоит на пороге. Все сияет чистотой. Портрета Ибрима нет. На пустой стене ничего не написано, ничего не висит вместо портрета. Пустое место.

Старина смеется, прикрывая лицо ладонью.

Или плачет?

Начинается сильнейший ливень. Грохот дождя за окном. Старина берет пульт, включает музыку. *(Это должна быть оригинальная музыка, написанная композитором специально для этого спектакля для этой сцены)*. Дождь прекращается вместе с музыкой. Становится тише. Старина выходит на балкон. Снимает с шеи и выбрасывает ключ от почтового ящика. Он смотрит на небо. Через все небо стоит радуга. Жители дома стоят на балконах и фотографируют радугу. Саша в платье, Дылда и Сирота, дядька с елкой, тетка с бегемотом, все-все-все.

Пахнет кофе.

Входит Женщина в ужасном платье, одетая во что-то нормальное.

ЖЕНЩИНА. Извините, у вас не заперто... Это вы? Вот... Вы мне посоветовали по подъездам ходить, я и хожу. Хотите кофе?

СТАРИНА. А я станцюю для вас. Самба, румба, фокстрот? Лезгинка, ламбада?

ЗАНАВЕС

Январь, 2019

деревня X на озере K